

Планета НОРАГАЛЬ

Сборник зарубежной фантастики

Лестер Дель Рей Крылья ночи

OCR & spellcheck by HarryFan

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160324

Оригинал: LesterDel Rey, "The Wings of Night"

Перевод:

Нора Галь

Аннотация

В сборник вошли рассказы лучших писателей-фантастов.

Лестер Дель Рей

Крылья ночи

– Черт бы побрал всех марсиашек! – Толстяк Уэлш выплюнул эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы. Только дотянули до Луны – и опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсиашка...

– Ага. – Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ и, кряхтя, снова полез в самое нутро машинного отделения. – Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал: чтоб полностью разобрать и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал восемь часов на всю починку...

Сто раз он спорил с Уэлшем – и все без толку. Толстяк – отличный космонавт, но никак не позабудет всю эту чушь, которой пичкает своих граждан Возрожденная Империя: о высоком предназначении человека, о божественном промысле – люди, мол, для того и созданы, чтобы помыкать всеми иными племенами и расами. А впрочем, Лейн и высоким идеалам знает цену: тоже радости мало.

Сам он к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов, Да еще солидное наследство – хватило бы на троих – и вдохновенно ринулся в бой. Писал и

печатал книги, произносил речи, вступал в различные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он ради хлеба насущного перевозит грузы по трассе Земля – Марс на старой, изношенной ракете. На четверть ракета – его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который достиг этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

– Ну? – спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

– Ничего. Не могу я это исправить, недостаточно разбираюсь в электронике...

– Может, дотянем до Земли?

Тощий покачал головой.

– Вряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне. Может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяк повел ракету вниз; среди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку.

– Пора бы тут устроить аварийную станцию, – пробурчал он.

– Когда-то была, – сказал Лейн. – Но ведь на Луну никто не летает. Грузовики, вроде нас, не в счет. Странно, какая ровная эта площадка, ни одной метеорной царапинки не видно.

– Стало быть, нам повезло... Эй, что за черт?!

В тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, обе половинки скользнули в стороны – и ракета стала медленно опускаться в

какой-то кратер; dna не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А над головой вновь сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

– Сто шестьдесят миль ниже поверхности! Судя по шуму, тут есть воздух. Что это за капкан, откуда он взялся?

– Сейчас не до этого. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся.

Да, Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело опускается в исполинском кратере, точно на космодроме в Йорке, и занят только тем, что барахлит инжектор, а что ждет на дне, его мало заботит. Тощий вновь уставился на экраны – кто и зачем построил этот капкан?

* * *

Л'ин поворошил кучку песка, выудил крохотный красноватый камешек, которого сперва не заметил, и поднялся на ноги. Спасибо Великим, они послали ему осыпь как раз вовремя, старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истожились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно – все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь, хоть щепотку...

Он подобрал корзину, набитую наполовину камешками, наполовину лишайником, которым заросла эта часть крате-

ра. Растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и отправил в рот. Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный. Если бы еще хоть крупицу меди...

Л'ин печально вильнул гибким хвостом и побрел назад, к себе в пещеру. Он мельком взглянул вверх. Луч света, постепенно слабея, слой за слоем пронизывал воздух: там, где покатые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождались и вымирало племя Л'ина, а свод все держался, хоть опорой ему служили только стены – неколебимые, куда более прочные, чем сам кратер; единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Свод построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя Л'ина напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтоб не улетучивался.

Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, оно отнимало у молодых силу и надежду. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, не смея выйти на поверхность планеты? Они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины рассыпались в прах, племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, которые могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивно-

го распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец – горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Л'ин, в живых оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Л'ин – один в кратере...

Вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он вошел к себе. В глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Л'ин отвернулся от детской грядки.

Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли – и зерна, зреющие в нем, могли бы дать ростки. Или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, – и проросли бы уже посеянные семена... Каждый из племени Л'ина носил в себе и мужское и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети.

Но, как видно, не суждено...

Л'ин склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишай-

ник и липкая смола все еще питали собою медленный огонь, и медленно сочились из последней трубки и падали в каменную чашу капля за каплей. Но и эта жидкость не издавала хотя бы самого слабого запаха медной соли...

Остается еще один путь, он труднее, опаснее. Старинные записи говорят, что где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нельзя, есть вкрапления меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, и еще – инструменты, распознающие медь, и насос, чтоб наполнить баллоны. Быть может, он найдет медь для возрождения. Задача почти невыполнимая – и все же надо справиться. Его племя не должно умереть!..

Внезапно в пещере раздался пронзительный свист. В энергополе над створчатым шлюзом свода появился метеорит – и, видно, огромный! Л'ин кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Решетка на миг засветилась, значит, метеорит вошел в кратер. Л'ин опустил руку, чтоб створы шлюза вновь сошлись, и заторопился к выходу. Быть может, Великие добры и, наконец, отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне. Быть может, метеорит так велик, что еле уместится в ладони!..

Блеснул огонек – но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух. До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой –

метеорит должен бы издавать совсем не такой звук. Гость не падал стремглав, а опускался неторопливо, и яркий свет не угасал позади, а был обращен вниз. Но это значит... это может означать только одно – разумное управление. Ракета!!!

Такая машина могла прилететь только со сказочной планеты, что находится над его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Но есть ли там разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся со времен, когда предки летали к соседним планетам. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользящие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши. На планете, вокруг которой обращается его родной мир, кишели звери-гиганты, а сушу покрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. Четвертую планету населяли существа более понятные: жизнь здесь не разделялась на животную и растительную. Комочки живого вещества, движимые инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, скорее всего, именно этот мир стал источником разума. Если каким-то чудом ракета все же прилетела из третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке огромные свирепые чудища раздирают друг друга в клочья...

Корабль опустился поблизости, и Л'ин, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как и он, хотя гораздо крупней и массивнее, и, значит, – с третьей планеты. Они озирались по сторонам и явно радовались, что тут есть чем дышать. Потом одно из них что-то сказало другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки бессмысленное лопотанье. И это – речь?! Л'ин собрал свои мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он, наконец, нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако они разумны. Но тот, на котором он сосредоточился, наконец его заметил и порывисто ухватился за второго. Слова по-прежнему были корявые, нелепые, но общий смысл сказанного лунный житель уловил:

– Толстяк, что это такое?!

Второй пришелец обернулся.

– Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна в три фута ростом. Тощий, а по-твоему, она не опасная?

– Наверяд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол строили не люди.

И пришелец, который назывался Тощим, хотя с виду был большой и плотный, обратился к лунному жителю:

– Эй! Ты кто такой?

– Л'ин, – ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях

Тощего удивление и удовольствие. – Л'ин. Я – Л'ин.

– Похоже, он тебя понимает, – проворчал Толстяк. – Любопытно, кто прилетал сюда и обучил его английскому?

Л'ин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

– Не понимает английскому. Никто прилетал сюда. Вы...
Дальше слов не хватило, он шагнул поближе, показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению. Тощий понял.

– Видимо, он читает наши мысли.

– Ишь ты? А может, эта обезьяна все врет?

– Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер: видишь, какая радиоактивность? Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали... Интересно, насколько он разумен.

Не успел Л'ин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и вновь появился с пакетиком под мышкой.

– Космический разговорник, – объяснил он Толстяку. – По таким сто лет назад обучали английскому марсиан. – И обратился к Л'ину: – Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка. Смотри на картинки, а я буду говорить и думать слова. Ну-ка: один... два... понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел и слушал и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

– Ладно, Тощий, можешь еще понянчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А я пойду

осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного.

И он побрел прочь, но Л'ин и Тощий этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой задачей – найти средства общения.

Казалось бы, за считанные часы это неосуществимо. Но Л'ин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной и высокоорганизованной, и для него столь же естественной, как дыхание. Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки чужого языка и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере Л'ина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой.

Наконец Тощий кивнул:

– Кажется, я понял. Все кроме тебя уже умерли и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет. Гм-м. Мне на твоём месте тоже это бы не понравилось. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Л'ин просиял. Намерения у Тощего добрые.

– Нужен Нра. Жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна не простая. Воздух, питье, еда – это все у меня есть, и я живу. А зерно неживое, будет Нра – оно оживет...

– Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина Е6? Может, мы и смогли бы его сделать, если только...

Л'ин кивнул. На обоих сердцах у него потеплело. Человек с Земли готов ему помочь.

– Делать не надо! – весело пропищал он. – Простая штука. Зерно или я – мы можем сделать ее внутри себя. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, разжевал и знаками показал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

– А ну, обезьяна, съешь еще! Ух, ты, черт! Он лопает камни. Слушай, Тощий, у него что же, зоб, как у птицы?

– Он их переваривает. Вот что, Луин, тебе, видно, нужен какой-то химический элемент. Натрий, кальций, хлор? Этого всего здесь, наверно, хватает. Может, йод?..

Он перечислил десятка два элементов, но меди среди них не оказалось. И вдруг Л'ин вздохнул с облегчением. Ну, конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Тщательно, начиная от центра, частицу за частицей он вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они не поняли! Тощий покачал головой и вернул листок.

– Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома... но тогда нам, на Земле, еще учиться и учиться!

Толстяк скривил губы:

– Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тощий, пора

спать. И потом, насчет радиации. Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, надели походные нейтрализаторы, а обезьяне это, видно, только на пользу... И у меня есть одна идея.

Тощий вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

– Ах, черт! Луин, ты не падай духом, завтра мы это обсудим.

Л'ин кивнул и тяжело опустился на жесткое ложе. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги. Им не разобраться в его чертежах... И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вообще нет меди... Придется перерыть все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все элементы объединяются по семействам и классам. Тощий упоминал о натрии – даже по самым примитивным таблицам, какими, наверно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, строящему космические ракеты, атомный номер меди – двадцать девять.

Оба люка были открыты, Л'ин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них – и остановился в сомнении. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? Он

присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и принюхиваясь к окружающим металлам.

Толстяк что-то пробурчал и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Л'ин, оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Л'ин заинтересовался изображениями этой мысли, но спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. Он отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, шаря вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

– Ах, ты, подлая обезьяна! – взревел он. – Чего шныряешь?

Л'ин взвизгнул и увернулся от удара, который едва не расплющил его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему незнаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошеломило открытие, что пришельцы способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

– Эй, брось! – Шум разбудил Тощего; он сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуться. Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся.

– Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал.

Только я проснулся, вижу, он сидит, пялит на меня глаза, а в руках железка, ну, мне и показалось – он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тощий выпустил его и кивнул Л'ину:

– Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заскоки на счет людей и не людей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

– Чушь! – Толстяк не обиделся. Марсиашки, обезьяны... ясно, они не люди, с ними и разговор другой, и ничего плохого тут нет. – Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

– Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра – двадцать девятый, под натрием.

– Периодическая таблица, – сказал Тощий Толстяку. – По крайней мере, похоже. Дай-ка справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девять. Натрий, калий, медь. Это оно и есть, Луин?

Глаза Л'ина сверкали торжеством.

– Да, это медь. Может быть, у вас найдется? Хоть бы один грамм?

– Пожалуйста, хоть тысячу граммов. Бери сколько угодно.

– Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал, вмешался Толстяк. – А чем заплатишь?

– Заплатишь?

– Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам – справедливо?

Л'ину это не приходило в голову – но, как будто, справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что у землянина на уме. За медь ему, Л'ину, придется работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные во времена, когда строилось убежище: вещества, дающие тепло и свет, нарочно преобразованные так, чтобы удовлетворять все нужды народа, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям, и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью – в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений. Непостижимо! На Земле так много людей – для чего им обращать Л'ина в раба?

И рабство – это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами либо, как ни велики запасы, они иссякнут и нечем будет поддерживать жизнь... так или иначе, впереди гибель...

Тощий опустил руку ему на плечо.

– Толстяк немного путает, Луин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тощего сжимали что-то... оружие, смутно понял Л'ин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

– Дурень ты, Тощий. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень что все люди и нелюди равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я свою медь задаром не отдам.

Тощий вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

– Ну и не отдавай. Луин получит мою долю. Не забывай, четверть всего, что есть на корабле, моя.

Толстяк пожал плечами.

– Ладно, воля твоя. Может, взять ту проволоку, знаешь, в лаге в машинном отделении?

Л'ин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться. Половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести! Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный купорос... Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть и четыреста детей, и у них будут еще потомки!

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Л'ина перенести центр тяжести на половину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

– Это... вот это... не годится, да?

– А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

– Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю. Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика катушку чудесной душистой

проволами, утер пот со лба и кивнул.

– Верно, это была бы плата. Только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся. Может, Тощий даже не сумеет исправить.

– Я могу исправить.

– Ну, да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этой катушке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тощий, все ему отдашь?

– Да, пожалуй. Слушай, Луин, а ты в таких вещах разбираешься? Разве у вашего народа были такие корабли?

Мучительно подыскивая слова, Л'ин попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому. Но он прямо в голове чувствует, как все это должно работать.

– Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное не что я изучал, а как я думаю. Триста миллионов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

– Триста миллионов лет! У нас тогда еще динозавры бегали!..

– Да, мои предки видели таких зверей на вашей планете, – серьезно подтвердил Л'ин. – Так я буду чинить?

Тощий растерянно мотнул головой и молча передал Л'ину инструменты.

– Слышишь, Толстяк? Мы были еще так, букашки, кормились динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты

на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались, сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму... вот и остался от них от всех один Луин!

– И поэтому он механик?

– У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты за такой срок развились у животных и у насекомых? У него особое чутье на механизмы – может, он и не знает, что это за машина, но чутье, как она должна работать.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Л'ин взял кусачки, отключил все контакты комбайна управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его.

Маленькими проворными руками он виток за витком свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка фидер, Л'ин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал: годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

– Будет работать. Только включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

– И это все? – удивился Тощий. У тебя же осталась целая куча свободных деталей – куда их?

– Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь хоро-

шо.

И Л'ин старательно объяснил, как будет работать новая конструкция. То, что вышло сейчас из его рук, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тощий только диву давался: почему так не сделали с самого начала?!

– Вот это да, Толстяк! Коэффициент полезного действия примерно 99, 99 %, а у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Луин!

Толстяк направился к рубке.

– Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тощий подал Л'ину медную проволоку и отвел его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову и старательно улыбнулся на земной манер.

– Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда – до скорого, Тощий. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

– Прощай, – отозвался Тощий и помахал рукой. – Может, мы еще когда-нибудь вернемся и поглядим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

* * *

Л'ин нежно гладил медную проволоку и ждал грома ра-

кетных двигателей; ему было и радостно и тревожно. Медь – это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущали...

Он смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий уверенный огонек. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты; теперь его встретят не дикие джунгли, а жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое великолепие – не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадежность и не простерлись над его народом крылья ночи...

Ракета поднималась по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине – равномерно сменялись тень и свет, напоминая взмахи крыльев. Наконец черные крылья достигли свода, Л'ин открыл шлюз, они скользнули наружу – и стало совсем светло... быть может, это предзнаменование?

Он понес медную проволоку в детскую.

...А на корабле Тоший Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем – тому явно было не по себе.

– Каков наш приятель? – сказал Тоший. – Не хуже людей, а?

– Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен.

– А как насчет радиоактивных? – Тоший ковал железо,

пока горячо.

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец, пожал плечами и обернулся к Тощему.

– Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

Тощий Лейн был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование. И, значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого презрения ко всем иным племенам и расам перестанут заслонять небо Земной империи, как перестали они застилать глаза Толстяку. И править миром будет не какая-либо одна раса, но разум.

– Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Луиновой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; она пригодится по крайней мере для десяти разных механизмов. Что ты станешь делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке.

– Начну валять дурака. Помогу тебе снова взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсиашками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Л'ин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил

медный купорос и уже предвидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот просто чудо!